ИНТЕРВЬЮ 25.09.2020

«Опасно списывать со счета мультилатерализм»

Многие европейцы воспринимают безопасность как должное. Это опасное заблуждение, предостерегает Томас Гремингер.

Данное интервью также доступно на немецком языке

Господин Гремингер, нынешние веяния времени явно не в пользу мультилатерализма. В этом можно убедиться и на примере ОБСЕ. Сильная поляризация стран-членов в конце концов привела к утрате дееспособности этой организации. Вы сами стали жертвой этой поляризации: в июле вас не переизбрали на должность генерального секретаря. Неужели именно сейчас мы становимся свидетелями краха мультилатерализма?

Было бы опасно списывать со счетов мультилатерализм. Однако верно и то, что в настоящий момент подходы к решению проблем на основе мультилатерализма и сотрудничества вышли из моды. Важные действующие лица в хоре голосов влиятельных сил отдают предпочтение односторонним, в крайнем случае – двусторонним отношениям. Они не желают сделать ставку на более сложную мультилатеральную систему и связать себя определенными правилами игры в средне- или долгосрочной перспективе.

При этом проблемы, с которыми мы столкнулись, имеют наднациональный характер. Наиболее ярким примером стала пандемия коронавируса. Впрочем, транснациональными по своей сути являются и терроризм, и экстремизм, и последствия изменения климата, и резкий технологический сдвиг – все эти проблемы могут быть решены лишь посредством трансграничного сотрудничества. Реальной действенной альтернативы подходам, основанным на сотрудничестве, не существует даже вопреки тому, что в настоящий момент они не в моде.

Но как конкретно можно противодействовать утрате заинтересованности в достижении компромиссов и диалоге столь многими странами? Быть может, произошла недооценка общественного мнения, и слишком мало было сделано, чтобы убедить его в обратном? Должны ли правительства активизировать свои усилия в пользу мультилатерализма?

Конечно же, необходимы более активные усилия для привлечения внимания общественности к политике на основе сотрудничества, что, будем надеяться, впоследствии приведет к тому, что и у политиков все чаще будет возникать желание придерживаться именно такого подхода. За прошедшие годы достигнуты немалые успехи в этом направлении. И здесь речь о чем-то более важном, нежели наивные представления о будущем. Но нам и в самом деле не хватает людей в политическом руководстве, которые верят в такие подходы и готовы не только упоминать о них в своих торжественных речах, но и инвестировать в них свой политический капитал.

И здесь, во-первых, требуются ресурсы. Дееспособные мультилатеральные организации имеют свою цену. Но, похоже, мы жили в слишком комфортных условиях в течение трех последних десятилетий после окончания холодной войны. Опасность конфликта с применением обычного оружия была ликвидирована и исчезла из поля зрения людей. Другие же вопросы, связанные с безопасностью, в частности терроризмом, экстремизмом, киберпреступностью, воспринимались общественным сознанием не так остро. Среди широких слоев населения по-настоящему так и не укоренилось сознание того, что эти вызовы можно одолеть только сообща. Для многих людей безопасность – это нечто само собой разумеющееся, не требующее усилий каждого из нас. И это опасное заблуждение.

А созвучны ли формат и стиль работы таких мультилатеральных организаций, как ОБСЕ, духу времени? Возьмем, например, принцип единогласного голосования – не в таких ли установленных на высокой планке принципах кроется причина провала?

Безусловно, мультилатеральным институциям и механизмам для сохранения своей значимости нужно постоянно развиваться, чтобы соответствовать требованиям времени. Это не подлежит сомнению. Но не могу не добавить, что у нас уже имеется много эффективных и результативных инструментов осуществления мультилатеральной политики, которыми просто-напросто нужно лучше и более систематически пользоваться. Сваливать вину на устаревшие институции и механизмы, на мой взгляд, – это

слишком упрощенный подход.

Возьмем ваш конкретный вопрос о принципе достижения консенсуса. В идеально устроенном мире, конечно же, существуют вещи, в которых можно пойти на его ослабление. Я имею в виду, например, принятие кадровых решений или утверждение повесток дня конференций. Именно в этих вопросах ОБСЕ в течение последних лет столкнулась с неимоверно большими сложностями. Но в других случаях принцип консенсуса связан с очевидными преимуществами. Попробуйте представить себе *Специальную мониторинговую миссию в Украине* без консенсуса! Это было бы невозможно. То же касается и обязательств, принятых ОБСЕ: добиваться новых обязательств в условиях поляризованного мира стало сложнее, ведь ОБСЕ превратилась не в *сообщество единомышленников*, а определенно стала *сообществом, исповедующим различные взгляды*. Тем значимее и крепче становятся обязательства, достигнутые путем консенсуса.

Одна из проблем состоит в том, что многие государства – члены ОБСЕ недостаточно четко проводят различие между сутью обсуждаемого дела, где мнения вполне могут разойтись, и мерами по сохранению дееспособности организации. Здесь нужно было бы проявить умение преодолевать идеологические рвы и расхождения содержательного характера и поставить во главу угла работоспособность, а не доводить поляризацию до уровня, угрожающего функционированию организации. Это как раз то, что мы постоянно могли наблюдать в течение последних лет в ОБСЕ – не только при принятии решений о руководящем составе, но и в вопросе бюджета. Каждый год нам с огромным трудом удается принять весьма скромный бюджет. Полагаю, здесь необходимо проявлять большее благоразумие. Интересно, что это весьма успешно удается сделать в случае с главной полевой операцией ОБСЕ. При условии надлежащего обоснования не составляет проблемы, например, своевременное утверждение бюджета Специальной мониторинговой миссии по Украине или же выделение для этого дополнительных средств. Этой весной мы приняли бюджет, предусматривающий рост расходов более чем на 8 процентов. В случае со штатным бюджетом о таком приходится только мечтать.

Это, несомненно, связано и со значением конфликта на Востоке Украины. В этом году там действительно был достигнут важный для Украины прогресс. Но остальной частью Европы он практически не был замечен. Можно ли объяснить то, что подобные успехи не доходят до общественного сознания, лишь проблемами в коммуникации?

И то, и другое верно. Благодаря менеджменту конфликта в Украине ОБСЕ время от времени появляется на политических радарах столиц многих стран. Это, кстати, не касается Берлина. У Берлина комплексное и более дифференцированное восприятие ОБСЕ, но сказанное справедливо для многих других государств, где деятельность ОБСЕ чаще всего остается в тени иных политических событий. И это проблема. При столкновении мнений во время принятия решений по бюджету, когда речь заходит о необходимости реального инвестирования политического капитала, иногда не хватает осознания значимости организации. Поэтому зримость в связи с Украиной все же лучше, чем ничего. Но я вспоминаю времена, когда мы задавались вопросом: «Как снова добиться попадания нашей организации в поле зрения европейской политики?» Ответ неожиданно последовал в 2014 году.

Тем не менее прискорбно, что для этого понадобился такой конфликт.

Согласен. Вся работа по предупреждению подобных конфликтов слишком мало ценится, это проявилось и в данном случае. Теперь к вашему второму вопросу о прогрессе в Украине. Радует то, что с 22 июля там соблюдается режим прекращения огня на невиданном за предыдущие шесть лет уровне. Это важно, чтобы приблизиться к реализации Минских соглашений. Почему же этот факт не вызывает восприятия, соответствующего его значимости? В международном сообществе существует определенная усталость от Украины. Потому эта тема почти не поднимается на уровне широкой общественности. В то же время в столицах стран международного сообщества она продолжает оставаться одной из важных точек приложения усилий, благодаря чему уделяется и соответствующее внимание работе ОБСЕ.

Вас считают сторонником активного диалога с Россией и даже постоянно обвиняют в слишком дружеской позиции по отношению к ней. В Германии, похоже, постепенно распространяется мнение, что идея стратегического партнерства с Россией исчерпала себя или же в данный момент нереализуема. Стратегическое партнерство предполагает взаимодействие двух сторон, а сегодня есть сомнения в том, заинтересована ли в нем Россия вообще. Разделяете ли вы эту точку зрения?

Конкурентное преимущество ОБСЕ заключается в том, что Россия является частью организации и сидит с нами за одним столом. Я вообще-то не отрицаю, что в отношениях с Россией нужен целый набор разных политических инструментов. Я всегда

очень внимательно следил за соблюдением баланса интересов различных стран. В Москве я бывал не чаще, чем в Вашингтоне. Но как меня принимают в той или иной столице, какое эхо это вызывает в средствах массовой информации, от меня не зависит.

Повторюсь: мы должны искать диалог со всеми, даже если это очень трудно и даже когда мы видим нарушение принципов и обязательств ОБСЕ. Это нужно сказать со всей ясностью. Функция ОБСЕ, как раз и заключается, с одной стороны, в привлечении государств-членов к ответственности, огласке их действий или бездействия, но с другой стороны, и в том, чтобы оставаться в диалоге, искать и находить его, задаваясь вопросом: «Где существуют возможности для улучшения положения дел, взаимопонимания и укрепления взаимного доверия?»

Отношения между Россией и Германией, а также большей частью Европейского союза недавно достигли своей низшей точки из-за случая с Навальным и применения нервно-паралитического отравляющего вещества «Новичок». Насколько реалистичной с учетом вашего опыта является вероятность ее преодоления?

В настоящее время наблюдается дальнейшее осложнение этих отношений, которые и в прошлые годы переживали определенные трудности. Для их преодоления должны быть предприняты шаги всеми сторонами, в том числе, конечно же, и Россией. Доверие невозможно восстановить в одностороннем порядке. Выяснение всех обстоятельств нужно именно в случае с Навальным. Москва должна подать руку, иначе спираль доверия еще больше пойдет вниз.

В идеале целью ОБСЕ является поддержание стабильности и безопасности на пространстве «от Ванкувера до Владивостока». Вместо этого мы наблюдаем эрозию идеи трансатлантического и евроазиатского сотрудничества. С какими угрозами нам придется столкнуться в последующие годы, если не удастся добиться перелома в этом вопросе?

Во-первых, возрос риск непредвиденных происшествий, то есть вещей, которые совершенно неожиданно и помимо воли могут обусловить эскалацию напряжения. Этот риск усугубляется, например, растущим числом крупномасштабных учений вблизи границ. Другая же угроза, очертания которой в принципе просматриваются уже сейчас, заключается в сползании к гонке вооружений как в ядерной сфере, так и в области обычных вооружений, что влечет за собой огромные затраты и угрозу для безопасности.

Ну и не секрет, что существует целый ряд факторов невоенного характера, ставящих под угрозу безопасность и требующих совместных усилий. К ним, в частности, относятся меры по реагированию на изменение климата в области безопасности, противодействию терроризму, экстремизму с применением насилия, киберпреступности, а также реакция на появление таких новых технологий, как искусственный интеллект. При отсутствии воли к сотрудничеству возникает угроза выхода этих факторов риска из-под контроля.

Томас Гремингер
Вена

Томас Гремингер (Thomas Greminger) – швейцарский дипломат и бывшийГенеральный секретарь ОБСЕ. Ранее он работал заместителем генерального директора Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству. В 2010-2015 гг. Томас Гремингер был постоянным представителем Швейцарии при ОБСЕ. Он автор ряда публикаций по вопросам военной истории, урегулирования конфликтов, миротворчества, развития и прав человека.